В. Хлѣбников

Р я в!

ПЕРЧАТКИ

1908—1914 г.г.

ФИК
Государ. Историч. Музея
№ 17852
31 VIII 1931 г.

МЫ УСТАЛИ

ЗВѢЗДАМ

ВЫКАТЬ

МЫ УЗНАЛИ СЛАДОСТЬ

РЫКАТЬ

К. Малевич

Было вывѣшено въ 1908 г. въ СПБ. Университетѣ и напечатано въ газетѣ «Вечеръ».

„Славяне! Въ эти дни Любекъ и Данцигъ смотрятъ на насъ молчаливыми испытателями—города съ нѣмецкимъ населеніемъ и русскимъ славянскимъ именемъ. Палабскіе славяне ничего не говорятъ вашему сердцу? Или не отравлены смертельно наши души видѣніемъ закованнаго въ желѣзо Рейхера, пробождающаго копьемъ славянина-селянина? Наши обиды велики, но ихъ достаточно, чтобы напоить полкъ коней мести—приведемъ же ихъ и съ Дона и Днѣпра, съ Волги и Вислы. Въ этой силѣ, когда Черная гора и Бѣлградъ, давъ обѣтъ побратимства, съ безумствомъ обладающихъ жребіемъ побѣдителей по волѣ боговъ, готовые противопоставить свою волю волѣ несравненно сильнѣйшаго врага, говорятъ, что духъ эллиновъ въ борьбѣ съ мидянами воскресъ въ современномъ славянствѣ, когда въ близкомъ будущемъ воскреснутъ передъ изумленными взорами и Дарій Гистаспъ и Ѳермопильское ущелье и царь Леонидъ съ его тремя стами; теперь, въ эти дни, или мы пребудемъ безмолвны? Въ дни, когда мы снова увидѣли что побѣждаетъ тотъ, кто любитъ родину? Или мы не поймемъ происходящаго, какъ возгорающейся борьбы между всѣмъ германствомъ и всѣмъ славянствомъ? Или мы не отзовемся на вызовъ, брошенный германскимъ міромъ славянскому? И будетъ ли направленъ нами ударъ по габсбургскому, а не по гогенцоллернскому латнику? Уста наши полны лести, месть капаетъ съ удилъ коней, понесемъ же, какъ красный товаръ, свой праздникъ мести,—туда, гдѣ на него есть спросъ,—на берега Шпрее. Русскіе кони умѣютъ попирать копытами улицы Берлина. Мы это не забыли. Мы не разучились быть русскими. Въ спискахъ русскихъ подданныхъ значится нюренбергскій обыватель. Эммануилъ Кантъ. Война за единство славянъ, откуда бы она ни шла, изъ Познани или изъ Босніи, привѣтствую тебя! Гряди! Гряди дивный хороводъ съ дѣвой Словіей, какъ предводительницей горы! Мы не понесемъ удара по габсбургскому потову, мы понесемъ его по гогенцоллернскому наѣзднику! Священная и необходимая, грядущая и близкая война за попранныя права славянъ, привѣтствую тебя! Долой габсбурговъ! Узду гогенцоллернамъ“!

ЗАКЛЯТІЕ СМѢХОМ

О, разсмѣйтесь, смѣхачи!
О, засмѣйтесь, смѣхачи!
Что смѣются смѣхами, что смѣянствуют смѣяльно,
О, засмѣйтесь усмѣяльно!
О разсмѣшищ надсмѣяльныхъ—смѣх усмѣйных смѣхачей!
О изсмѣйся разсмѣяльно смѣх надсмѣйных смѣячей!
Смѣйево, Смѣйево,
Усмѣй, осмѣй, смѣшики, смѣшики
Смѣюнчики, смѣюнчики.
О, разсмѣйтесь смѣхачи
О, засмѣйтесь смѣхачи

(Студія Импрессіонистов. 1910 г)

ЧЕРНЫЙ ЛЮБИРЬ.

Я смѣярышня смѣхочествъ
Смѣхистѣлинно беру
Нераскаянныхъ хохочествъ
Кинь злооку—губирю.
Пусть гопочичь, пусть. хохотчичь
Гопо гопъ гопопѣй
Словомъ дивныхъ застрекочетъ
Насъ сердцами закипѣй
Въ этихъ глазкахъ вѣдь глазищемъ
Ты мотри, мотри за горкой
Подымается луна!
У смѣшливаго Егорки.
Есть звенящія звена.
Милари зовутъ такъ сладко
Потужить за лѣсомъ совкой
Ай! Ахъ на той горкѣ
Есть цвѣточекъ куманка заманка.

(из „Дохлой Луны“).

Выходъ изъ кургана умершаго сына.

У спутницы черепъ на плечахъ. Она въ бѣлой соломенной шляпкѣ съ голубой тесьмой.

Ломающій траву черный самокатъ. Вотъ онъ. Кивнувъ головой смѣясь они садятся. Сквозь окна сильно освѣщеннаго дома видно какъ они входятъ ничѣмъ не смущая живыхъ въ стеклянную дверь, любезно встрѣченные обмѣниваясь привѣтствіями. Высоко стоитъ бѣлый воротникъ съ остро отогнутымъ концомъ. Онъ съ таинственными знаками отводитъ въ сторону одного изъ туземцевъ и завернувъ свой черепъ въ «Новое Время» или „Рѣчь" прижавъ его локтемъ присоединяется къ обществу вступая въ бесѣду. У ней въ рукахъ вѣеръ. Два гостя неосторожно рано вышедшихъ вталкиваются въ черный самокатъ и испуская крики жалобы увозятся прочь. Огни зданія становятся ярче. 6 часовъ. На небѣ блѣдны звѣзды. Съ крыльца того же дома шестью столбами спускаются нареченные съ бѣлыми голубыми цвѣтами, съ скромными прекрасными лицами. Впрочемъ они одѣты такъ же какъ бѣглецы изъ кургана. При спускѣ съ крыльца продавщицы протягиваютъ имъ цвѣты. Среди нихъ мелькаетъ чрезмѣрно костлявое лицо дотронувшееся костянымъ пальцемъ до провала щеки.

ВИЛА И ЛѢШІЙ.

Миръ.

Горбатый лѣшій и младая сидятъ о мелочахъ болтая
Она, дразня, пьетъ сокъ березы; а у овцы же блещутъ слезы
Ручей играя пѣной пѣлъ и въ чащу голубь полетѣлъ
Здѣсь только стадо пронеслось свистящихъ шумно дикихъ утокъ
И вѣтвью рогъ качаетъ лось, печаленъ, сумраченъ и чутокъ.
Исчезли трудъ, исчезло дѣло; пчела рабочая гудѣла
И на землѣ и въ вышинѣ творилась слава тишинѣ.
Овца задумчиво вздыхаетъ и комара не замѣчаетъ.
Комаръ какъ макъ побагровѣлъ и звонко съ пѣсней улетѣлъ.
Качая черной паутиной на землю падающихъ косъ
Качала Вила хворостиной отъ мошекъ, мушекъ, и стрекозъ.
Легъ дикій посохъ мимо ногъ; На ней отъ воздуха одежда
Листовъ березовыхъ вѣнокъ ея опора и надежда.
Ахъ, юность, юность! ты что дымъ! Бѣда быть тучнымъ и сѣдымъ!
Ужъ лѣшій капли пота льетъ съ счастливой круглой головы.
Она расзсѣянно плететъ
Вѣнки синѣющей травы. „Тысячелѣтнія громады
Морщиной частою измучены. Ты вынулъ меня изъ прохлады
И крылышки сѣтью закручены“. „Лѣшій добрый, слышишь, что тамъ?
Натискъ чей къ чужимъ высотамъ? Тамъ, на рѣчкѣ, за болотомъ?“
Кругомъ тѣснилась мелюзга, горя мерцаніемъ двухъ крылъ
И вѣтеръ вечеромъ закрылъ долину зори и луга.
„Хоть сколько нибудь нравится тебѣ моя коса?“
„Конечно, ты красавица, то помнятъ небеса“.
„Ты пріютила голубковъ, косою черная съ боковъ!“
А надъ головой ея леталъ, кружился, рѣялъ, трепеталъ
Потокъ синѣющихъ стрекозъ. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ есть мороз

Младую Вилу оружалъ и ей въ сіяньи услужалъ.
Вокругъ кудрявы древеса, сини, могучи небеса.
Младенецъ съ пышною косой стоялъ въ дубравѣ золотой
Живую жизнь созерцалъ и сердцу милымъ нарицалъ.
„Спи, голубчикъ, спи, малюта, въ рощѣ мира и уюта.
Рукой за рогъ шевелитъ нѣжно, такъ повторивъ урокъ прилежно.
На небо смотритъ. Невзначай на щеку каплетъ молочай
Рукою треплетъ бѣлый чубъ, его священную чуприну.
„Чуть-чуть ты старъ, не много глупъ, но все же братъ лугамъ и крину“
Но отъ темени до пятъ виситъ воздушная ограда
Синій ленъ сплести хотятъ стрекозъ рѣющее стадо.
„Много, много мухоморовъ есть въ дубравѣ золотой Сухостой.
Но нѣтъ люда быстрыхъ взоровъ, только сумракъ золотой.
Гдѣ гордый смѣхъ и гдѣ права? Давно у всѣхъ душа сова?
На мху и хвоѣ лѣшій дремлетъ; главу рукой, урча, объемлетъ
Какъ мотылекъ востокъ порхалъ и листья дуба колыхалъ.
Военный проходитъ съ орломъ на погонѣ; и взоровъ не сводитъ природа въ загонѣ.
Она встаетъ, она идетъ гдѣ рѣчки слышенъ зовъ—туда.
Гдѣ мышь по лопу водъ плыветъ и гдѣ задумчива вода.
Голосъ съ рѣки: Я бѣлорукая, я бѣлокожая, ручьямъ аукая, на щукъ похожая о землю стукая, досугъ тревожу я
„Кто тамъ бѣдная поетъ? Злую волю кто куетъ?
Въ тѣни лѣсовъ, тѣни прохладной стоялъ угрюмый и злорадный
Рыбакъ. Хохолъ волосъ упалъ со лба. Вблизи у лозъ его судьба
Точно грѣшникъ виноватый; боязливый вороватый, дикій, стройный безпокойный.
Здѣсь рыбакъ пронесъ уду вѣренъ вольному труду.
Неслась веселая вода постой, разбойница, куда?
„Гдѣ печали, гдѣ качели, гдѣ играли мы вдвоемъ?
Верещали изъ ущелій птицы. Бился водоемъ.
„Козлоногихъ сторожей этой рощи, этихъ стадъ, безъ копья и безъ ножей.
Распрю видѣть умный радъ“.
Пусть подъемлютъ черти руку, возглашая что довольно!
Веселясь лбовъ крѣпкихъ стуку, веселюсь и я невольно.
Страсть ты первая посылка, чтобъ челомъ сразиться пылко.
Надъ лысой старостью глумится волшебноокая дѣвица.

Хребтомъ прекрасная сидитъ, огнемъ воздушныхъ глазъ
трепещетъ.
Поетъ, смѣется и шалитъ, зарницей глазъ прекрасныхъ блещетъ
И сыпетъ сверху муравьевъ. Они звончѣе соловьевъ.
На ноги спящаго поставятъ и страшнымъ гнѣвомъ позабавятъ.
Какъ онъ дикъ и какъ онъ согнутъ вѣткой длинною дрожа
Какъ персты его не дрогнутъ палкой длинной ворожа.
Какъ дикъ и свѣжъ владыка мрежъ!
„Я въ сѣть серебряныхъ ячеекъ попавши сомомъ, завоплю
Въ хвостѣ есть въ рыбамъ перешеекъ, имъ оплеуху налѣплю“
Рукою ловитъ комаровъ и садитъ спящему на брови
«Ты веселъ, нѣженъ и здоровъ. Тебѣ не жалко капли крови».
Дубамъ столѣтнимъ ты ровестникъ, но ты рогатъ но ты кудесникъ.
Подобно шелка чернымъ сѣтямъ съ чела спускалася коса.
Въ нее летя къ голоднымъ дѣтямъ попалась желтая оса.
Осы боюсь. Осу поймала; та изогнула станъ дугой
И въ ухо бѣса, что дремало, вонзился хвостъ осы тугой
Ручную садитъ пчелку въ его сѣдую холку.
Онъ покраснѣлъ, чуть чуть разсерженъ и покраснѣлъ замѣтно онъ.
Но промолчалъ: онъ былъ воздерженъ и не захотѣлъ нарушить сонъ.
Какъ ты ослизъ, какъ ты опухъ, но все же витязь вѣрный,
рьянный.
Капуста заячья, лопухъ! козелъ всегда собою пьяный!
Устало, взорами небесная, дышало трудно, но прелестная.
Сверчки свистѣли и трещали и прелесть жизни обѣщали.
Досугъ лукавствомъ нѣжнымъ тѣшитъ и волосъ ногтемъ длиннымъ чешетъ.
И на плечо ея прилегъ искавшій отдыхъ мотылекъ.
Но отъ головы до самыхъ ногъ снуетъ стрекозьихъ крылъ
станокъ.
Тамъ небеса стоятъ зеленые какой то тайной утомленные
Но что? ква, ква! лягушка пѣла пасть ужа. Уже блѣдна,
вскочила Вила, вся дрожа.
И внемлетъ жалобному звуку, подъемля къ небу свою руку.
Коса волной легла вдоль груди, гдѣ жило двое облаковъ,
Для восхищенныхъ взоровъ судей, для взоровъ пылкихъ
знатоковъ!
О этотъ блѣдный страха крикъ! Подъемлетъ голову старикъ.

«Не все же видно лѣсъ да ели; мы видно крѣпко надоѣли».
Ты дюже скверная особа. (Имъ овладѣли гнѣвъ и злоба)
«Души упрямца вѣту вздорнѣй! Смотри, смотри! Смотри проворнѣй!
Мы капли жизни бережемъ, она же съѣдена ужомъ
Тамъ жаба тихо умираетъ и ею ужъ овладѣваетъ.
Блестя какъ рыбки изъ корзинки по щекамъ падали слезинки.
Онъ тѣломъ старъ по духомъ пылокъ; какъ самоваръ блеститъ затылокъ.
Онъ голъ и нагъ: ветхи волосья мѣховъ упавшихъ на бедро.
Склонились сѣрыя волосья на лобъ и древнее чело
Его власы изъ снѣга льны, хоть мышцы сѣры и сильны.
Мой товарищъ желтоокій! посмотри на міръ широкій.
Ты весною струей изъ скважинъ жадно пьешь березы сокъ
Ты и дерзокъ и отваженъ тѣломъ спрятанъ у осокъ.
И грозя согнутымъ рогомъ, сладко грезишь, о немногомъ.
Исполненъ пеясныхъ, овечьихъ огней онъ зѣнками синими водитъ по ней.
И проситъ грустящій глазами скользя; но Вила промолвила тихо: нельзя!
И машетъ строго головой, тотъ вновь простертъ сталъ чуть живой.
Рога въ сырой мохъ погрузилъ и плача звукомъ міръ пронзилъ
Вблизи цвѣтка качалась чашка; съ червемъ во рту сидѣла пташка.
Жужалъ угрозой синій шмель, летя за взяткой въ дикій хмѣль.
Осока наклонила ось, стоялъ за ней горбатый лось.
Кричалъ мурашъ внутри росянки и несся свистъ златой овсянки.
Ручей про море звонко пѣлъ, а лѣшій снова захрапѣлъ!
Въ мѣха овечьи сѣлъ слѣпень, забывши свой сосновый пень.
Мозоль косматую копытца срывала травка медунница.
И вечеръ шелъ. Но что жъ: изъ пара встаетъ таинственная пара.
Воздушный аистъ грудью снѣжной, костякъ вершины былъ лишенъ.
И помогая выйти нѣжно достоинъ жалости, смѣшонъ.
Онъ шею бѣлую вперилъ на небо, тучами покрыто.
И дверь могилы отворилъ своей невѣстѣ того быта

Лучами солнце не певло; они стоятъ на мокрыхъ плитахъ.
И что же? свѣтское стекло стояло въ черепѣ на нитяхъ.
Но скоро ихъ уноситъ мгла, земная кружится игла.
Но долго чьи то черепа. Стучали въ мракѣ какъ цѣпа.
А Вила злакъ сухой сломила, съ краевъ проворно заострила.
И въ носъ косматому ввела и кротко взоры подняла.
Рукой по косамъ провела, о чемъ-то слезы пролила.
И сѣвъ на пень взамѣну стула она заплакала, всхлипнула.
И вдругъ (о радость) слышитъ:-чихъ! То старый бѣшено чихнулъ,
Изгнать соломинку вздрогнулъ „Мнѣ гнѣвъ ужасенъ лѣшачихъ.
Онѣ сейчасъ меня застанутъ, завоютъ, схватятъ и рванутъ.
И всѣ мечты о лучшемъ канутъ и рѣчи тихія уснутъ.
Покрыты волосомъ до пятъ всѣ вмѣстѣ сразу завопятъ.—
Начнутъ, кусаться и царапать и снимутъ съ кожи бѣлой лапоть,
Союзъ друзей враждой не понятъ. На всѣхъ глаголахъ ссоръ
зазвонятъ
И хворостиною погонятъ иль на веревкѣ поведутъ
Мнѣ чья то поступь ужъ слышна ахъ жизнь сурова и страшна.
Смотри сейчасъ сюда награнутъ, пощечинъ звонкихъ нададутъ.
Грызня начнется и возня иди, иди же размазня.
Себя обвивъ концемъ веревки межъ тѣмъ брюшко сребристо
лысое
Ему давало сходство съ крысою. Ушелъ, кряхтя, въ мѣста
ночевки
Печально въ чащѣ исчезалъ, куда идти, онъ самъ не зналъ.
Онъ въ чащу плѣшину засунулъ и оглянувшись звонко плюнулъ.
Га! еще побьютъ, достоинъ жалости бѣдняга! пускай онъ тупъ,
пускай онъ скряга!
Мнѣ надо много денегъ! „а розогъ вѣникъ“
Ожерелье въ 40 тысячъ я хочу себѣ достать
„Лучше высѣчь... Лучше больше не мечтать.
И медвѣдя на цѣпочкѣ... Я мукой посыплю щечки.
Будутъ взоры удлиненными, очи больше современными.
Я достану котелокъ на кудрей моихъ вѣнокъ.
Ротъ покрасивъ меджедхетомъ я поссорюсь съ цѣлымъ свѣтомъ
И дикарскую стрѣлу я на щечкѣ начерчу.
Вызывая ревъ и гнѣвъ стану жить я точно левъ.

Сяду я, услыша ропотъ, и раздастся общій шепотъ.
То-то, на той сушинѣ растетъ розга „Иди, иди, ни капли
мозга!"
Иду, иду въ мое болото. Трава сыра.—Давно пора!
Досады полная въ конецъ, куда ушелъ, тотъ сорванецъ
Бросала колкія насмѣшки, сухія листья, сыроѣжки.
Грибы съѣдобные и вѣтки, и ядовитыя замѣтки
Летѣла нитка снѣжныхъ четокъ въ слѣдъ табунку лѣсныхъ
чечетокъ.
Съ сосновой шишкой даръ зайчишки, сухая крышка мухомора
Летитъ какъ доводъ разговора. Слоны, Улитки слизняки,
И вѣткой длинной свкозняки. А съ ними вмѣстѣ города летятъ
на воздухъ все туда.
Она все дѣлалась сердитѣй и говорила „погодите"
О ты прижимающій ухо косое, мой заяцъ, отвѣть мнѣ какого
ты соя.
Какъ расшалившійся ребенокъ покинутъ нянькой нерадивой
Бѣсился въ ней бѣсенокъ покрытый пламенною гривой.
Къ ручейной влагѣ наклонясь себя спросила звонко ась?
И личикомъ печальнымъ чванится странъ лицемѣрія изгнанница.
Она пошла, она запѣла грозно, воинственно, звонко,
И надъ головою пролетѣла въ огнѣ небесъ сизоворонка
Кругомъ озера и приволье, съ корой березовой дреколье,
Поля пространство и лѣса и голубыя небеса.
Вела узорная тропа; на частоколѣ черепа.
И рядомъ низкая лачуга пріютъ злодѣевъ и досуга.
Овчарка встала, заворчавъ. Косматый сторожъ величавъ.
Звонковъ задумчивыхъ бренчанье, овчарки сонное ворчанье.
Повсюду дятлы и синицы и бѣлоструйныя криницы.
Слышу запахъ человѣчій? гдѣ онъ дикій? мѣхъ овечій.
Видъ прекрасный, видъ пригожій, шея бѣлая легка.
Рядомъ съ нею, у подножій, двѣ трепещутъ мотылька.
И много словъ ихъ ждетъ прошептанныхъ и много тропъ ведетъ протоптанныхъ.

(1913 г.).

ЗВЕРИНЕЦ.

О Сад, Сад!

Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что ни братья, и останавливающему кровопролитную схватку.

Где немцы ходятъ пить пиво.

А красотки продают тело.

Где орлы сидят подобны вечности, оконченной сегодняшним еще лишенным вечера днем.

Где верблюд знает разгадку Буддизма и затаил ужимку Китая.

Где олень лишь испуг цветущій широким камнем.

Где наряды людей баскущіе.

А немцы цвѣтут здоровьем.

Где черный взор лебедя, который весь подобен зиме, а клюв—осенней рощице—немного осторожен для него самого.

Где синій красивейшина роняет долу хвост, подобный видимой с Павдинскаго камня Сибири, когда по золоту пала и зелени леса брошена синяя сеть от облаков и все это разнообразно оттенено от неровностей почвы.

Где обезьяны разнообразно сердятся и выказывают концы туловища.

Где слоны кривляясь, как кривляются во время землетрясенія горы, просят у ребенка поесть, влагая древній смысл в правду: есть хоуув! поесть бы! и приседают точно просят милостыню.

Где медвѣди проворно взлетают вверх и смотрят вниз, ожидая приказанія сторожа.

Где нетопыри висят подобно сердцу современнаго русскаго.

Где грудь сокола напоминает перистыя тучи перед грозою.

Где низкая птица влачит за собою закат, со всеми углями его пожара.

Где в лице тигра обрамленном белой бородой и с глазами пожилого мусульманина мы чтим перваго магометанина и читаем сущность Ислама.

Где мы начинаем думать, что веры—затихающіе струи волн, разбѣг которых—виды.

И что на свете потому так много зверей, что они умеют по разному видѣт Бога...

Где полдневный пушечный выстрѣл заставляет орлов смотрет на небо, ожидая грозы.

Где орлы падают с высоких насестов как кумиры во время землетрясенія с храмов и крыш зданій. . . .

Где утки одной породы подымают единодушный крик после короткаго дож я, точно служа благодарственный молебен утиному—имеет ли оно ноги и клюв—божеству.

Где пепельно серебряныя цесарки имеют вид казанских сирот.

Где в малайском медведе я отказываюс узнать соеверянина и открываю спрятавшагося монгола.

Где волки выражают готовность и преданность.

Где войдя в душную обитель попугаев я осыпаем единодушным приветствіем „дюрьрак!“

Где толстый блестящій морж машет, как усталая красавица, скользкой черной веерообразной ногой и после прыгает в воду, а когда он вскатывается снова на помост, на его жирном грузном теле показывается с колючей щетиной и гладким лбом голова Ницше.

Где челюсть у белой черноглазой возвышенной ламы и у плоскорогаго буйвола движется ровно направо и налево как жизнь страны с народным представительством и ответственным перед ним правительством—желанный рай стоэь многих!

Где носорог носит в белокрасных глазах неугасимую ярость низверженнаго царя и один из всех зверей не скрывает своего презренія к людям, как к возстанію рабов. И в нем затаен Іоанн Грозный.

Где чайки с длинным клювом и холодным голубым, точно вооруженным очками глазом, имѣют вид международных дельцов, чему мы находим подтвержденіе в искусстве, с которым они похищают брошенную тюленям еду.

Где вспоминая, что русскіе величали своих искусных полководцев именем сокола и вспоминая, что глаз казака и этой птицы один и тот же, мы начинаем знать кто были учителя русских в военном деле.

Где слоны забыли свои трубные крики и издают крик, точно жалуются на разстройство. Может быть, видя нас слишком ничтожными, они начинают находить признаком хорошаго вкуса издавать ничтожные звуки? Не знаю.

Где в зверях погибают какія то прекрасныя возможности, как вписанное в часослов слово Полку Игорови.

(Садок Судей 1-й 1909 г.)

МАРКИЗА ДЕЗЕС. (отрывок).

На днях я плясал.

На этой неделе. Какого дня?
Среда, четверг или воскресенье?
В сидячей жизни это спасенье.
Знакомые, пріятели, родня.
Устал. Вспотел. Уж отхожу.
Как вдруг какой то воин: постричься вам пора-с!
Сказал и нырь в толпу. Я думал: вот те раз!
Я уже послать ему собрался вызов
Но не нашел в толпе нахала
Кроме того здесь нужно было перейти какую то межу
Я в созерцаніе ушел чьего то опахала
Из перышек голубеньких и сизых.
Наука то больно проста: сначала—милостивый государь,
А потом свинцом возьми да и ударь.
Да... А потом, глядишь и, парня
Несут вромсать в трупарню.
Д е л к и н. Ха-ха! куда он гнет!
Забавник! И не моргнет!
П е р х о в с к і й. Ну я не трушу.
Это и не странно. Лицом имея грушу...
Д е л к и н. Я бы хотел под мушкою стоять разок.
Г л о б о в. А правда хороши последній как мазок,
В рукѣ противника горсть спелой вишни
П е р х о в с к і й. Ну тогда и выстрелы немного лишни
И тот кто сумрачен, как инок
Тогда у нас портит поединок.
Х о л с т. Е-е-е. Вы правы. Я как то шел.
Станом стройный сын степей
Влек саблю и серебро цепей...
Л е л ь (сходя). В взоров море тонучи
Я стою одетый в онучи
Все Он чудо! Он прелесть!
Он милка!
От восторга выпала моя челюсть,
Соседка, передайте мне вилку!

. . . .

МІРСКОНЦА.

Поля. Подумай только меня человѣка уже лѣть 70 положить связать и спеленать посыпать молью. Да кукла я чтоли?

Оля. Богъ съ тобой! Какая кукла.

Поля. Лошади въ черныхъ простыняхъ глаза грустные уши убогія Телѣга медленно движется вся бѣлая а я въ ней точно овощь лежи и молчи вытянувъ ноги да подсматривай за знакомыми И считай число зѣвковъ у родныхъ а на подушкѣ незабудки изъ глины шныряютъ прохожіе остественно я вскочилъ Богъ съ ними со всѣми
сѣлъ прямо на извозчика и полетѣлъ сюда безъ шляпы и безъ шубы а они лови лови.

Оля. такъ и уѣхалъ? нѣтъ ты посмотри какой ты молодецъ Орелъ право орелъ

Поля. Нѣтъ ты меня успокой да спрячь вотъ сюда въ шкапъ вотъ эти платья мы ихъ вынемъ зачѣмъ имъ здѣсь висѣть? вотъ его я надѣлъ когда я былъ произведенъ гмъ! гмъ! дай ему царствіе небесное при Егоръ Егоровичѣ въ статскіе совѣтники то надѣлъ его и въ немъ представлялся начальству вотъ и отъ звѣзды помятое на суквѣ. мѣсто хорошее сукенце такихъ теперь не найдешь а это отъ гражданской шашки мѣсто осталось такой славной человѣкъ тогда еще на Морской портной былъ славный портной Ахъ моль! Вотъ завелась лови ее (ловятъ подпрыгивая и хлопая руками. Ахъ озорная! Оба ловятъ ее) Все бывало говорилъ—„я вамъ здѣсь кошелекъ пришью изъ самаго крѣпкаго холста никогда не разорвется а вы мой наполните дай Богъ ему разорваться“ моль! А это вѣнчальный уборъ, помнишь голубушка воздвиженье такъ мы все это махоркой посыплемъ и этой дрянью что пахнетъ и плакать хочется отъ нея и въ сундукъ положимъ запремъ знаешь покрѣпче и замокъ такой повѣсимъ хорошій большой замокъ а сюда знаешь подушекъ побольше дай периновыхъ—усталъ я знаешь сильно—чтобы соснуть можно было, что то на сердцѣ тревожно знаешь такія кошки приходятъ и когти опускаютъ на сердце сама видишь все непріятности коляска цвѣты родные пѣвчіе знаешь какъ это тяжело (хныкчетъ). Такъ если придутъ скажи не заходилъ и воронъ костей не заносилъ и что не тогъ даже никакъ придти потому что врачъ уже сказалъ что умеръ и бумажку эту знаешь сунь имъ въ самое лицо и

скажи что на кладбище даже увезли проклятые и что ты непричемъ и сама рада что увезли бумага здѣсь главное они знаешь того передъ бумагой и спасуютъ а я того (улыбается) сосну

Оля. Родной мой заплаканы глазки твои обидѣли тебя дай я слезки твои эти платочкомъ утру (Подымается на цыпочки и утираетъ ему слезы) (Успокойся батюшка успокойся стоитъ изъ за нихъ проклятыхъ безпокоиться улыбнись же улыбнись! на, рябиновку налью вотъ выпей она помогаетъ вотъ мятныя лепешки а это и свѣчку возьми въ черномъ подсѣчникѣ онъ тяжелѣе (Звонокъ).

Поля Отъ моли насыпь въ сундукъ (прыгаетъ съ подсвѣчникомъ въ рукѣ).

(Она съ побѣдоносными видомъ запираетъ на ключъ оглядываетъ и подбоченясь выходитъ въ переднюю

Голосъ въ передней. Доброе утро М М Э Э Па Нико Э Э?

Оля. Царство ему небесное! Вотъ (хмыкъ хмыкъ) (плачетъ) увезли спрятали Увезли а онъ сердечный—живехонекъ!

Гол. въ пер. То есть Э Э—тронулась старуха совсѣмъ рѣхнулась! Э Э это чудо, это Э Э можно сказать случай

Оля. Умеръ батюшка умеръ с полчаса только ну что мнѣ старой божиться ногами въ гробу а онъ умеръ чесное слово а вы можетъ быть куда нибудь торопитесь спѣшите А? а то посидите отдохните если устали ужъ уйду свѣчу поставить знаете обычай вы отдохните посидите въ гостинной покурите а ключа не дамъ ни за какія смерти рѣжьте губите волоките на конскихъ хвостахъ бѣлое тѣло мое только не дамъ ключа вотъ и весь сказъ Посидите въ гостинной не бойтесь

Онъ. Того...

Оля. Да вы не спѣшите куда же вы торопитесь? Ушелъ таки... А странный говоритъ случай. (Стучитъ ключемъ въ шкапъ) Ушелъ соглядатай проклятый ужъ я и такъ и такъ

Поля. Что ушелъ?

Оля. Ушелъ родной

Поля. Ну и слава Богу! И хвала ему за то что ушелъ А я сижу здѣсь да думаю что и какъ оно обернется а оно все въ лучшему.

Оля. Ужъ я ему: да вы куда нибудь торопитесь можетъ быть спѣшите а ему все не въ домекъ прости Господи Да ты выдь батюшка Опять звонокъ! И отпирать не буду прямо скажу больна да при смерти! Кто тамъ?

(Неясный отвѣтъ) Больна сударь мой больна

Голосъ неизвѣстнаго. я врачъ

Оля. А у меня сударь такая болѣзнь что увижу врача или метла въ руку прыгаетъ или кочерга а то воды кувшинъ или еще что хуже

(Голоса за дверью)—Что?—повидимому! какъ быть?

— А Богъ съ ней! намъ то что?

— Пусть себѣ ѣздитъ на помелѣ

Оля. Ушли удалой мой ушли

Поля. Что то глуховатъ

Оля. я имъ метлой какъ тутъ не уйти (Отпираетъ ключемъ дверь Накрываетъ на столъ) Уѣдемъ въ деревню не хорошо пѣвчіе чужіе люди лошади въ шляпахъ.

II.

Старая усадьба Столѣтнія ели березы прудъ Индюшки куры Они идутъ вдвоемъ

Поля. Какъ хорошо что мы уѣхали дочего дожили въ своемъ дому пришлось прятаться послушай ты не красишь своихъ волосъ

Оля. Зачѣмъ а ты?

Поля. Совсѣмъ нѣтъ а помнится мнѣ они были сѣдыми а теперь точно стали черными.

Оля. Вотъ слово въ слово. Вѣдь ты сталъ черноусымъ тебѣ точно лѣтъ 40 сбросилъ а щеки какъ въ сказкахъ молоко и кровь А глаза глаза чисто огонь право Ты писаный красавецъ какъ говорили дѣды въ пѣсняхъ старыхъ Что за причина такая Поля ты видишь кстати нашъ сосѣдъ пріѣхалъ къ намъ и объ естественномъ бесѣдуетъ подборѣ съ Надюшей Смотри да замѣчай не быть бы худу

Оля Да да и я примѣтила А. Павликъ бьетъ баклуши пора учиться отдавать

Поля. Къ товарищамъ пускай собьютъ толчками и щипками

пухъ нѣжный дѣтства Не дай Богъ чтобъ выросъ маменькинъ сынокъ

Оля. Ну ужъ пожалуйста! Помнишь ты бѣгство безъ шляпы извозчика друзей родныхъ тогда онъ выросъ и конскій колыхался хвостъ надъ мѣдной каской и хмурые глаза смотрѣли на воина лицѣ угрюмомъ блестя огнемъ печально дорогимъ а теперь пухъ черный на губѣ едва едва онъ выступаетъ какъ соль сквозь глину опасная пора чуть чуть не доглядишь и кончено

(Подходитъ Петя съ ружьемъ и ворономъ въ рукѣ)

Петя. Я ворона убилъ

Оля. Зачѣмъ зачѣмъ кому же надо

Петя. Онъ каркалъ надо мной

Оля. Обѣдать будешь ты одинъ сегодня. Запомни что ворона убив въ себѣ самомъ убилъ ты что то

Петя. Я сытъ я сливки пилъ у Маши

Оля. У Маши? завтра ты уѣдешь

Поля. Да сударь рано очень рано

Петя. И хлѣба черный кусъ она мнѣ принесла

Поля. Пора служить

Петя. Кому чему? себѣ согласенъ а также милымъ мнѣ

Поля. Пріятно слышать! а, происхожденіе видовъ! добро пожаловать къ намъ въ гости! Нинуша, Иванъ Семеновичъ здѣсь Не правда ли что у обезьянъ въ какой то кости есть изьянъ. Мы не учены но любитъ старость начитанныхъ умы

Оля. Ушли куда то...

Поля. Какъ будто бы въ бесѣдку. Опасная сосѣдка!

Поля. Бесѣдка М М пора пора

Появляется сіяющая Нинуша и говоритъ

Нинуша. Онъ онъ (отвѣчая на молчаливый вопросъ говоритъ

Да да

Нина. Онъ началъ про Дарвина а кончилъ такъ невинно НА небѣ солнце есть а послѣ я имѣю честь и сдѣлался совсѣмъ иной и руку поцѣловалъ слюной

Поля. Я очень радъ я очень радъ будь весела здорова умна прекрасна и сурова.

Нина. Объ этомъ знала я тогда когда сидѣли мы въ саду на той скамьѣ гдѣ наши имена въ зеленой краскѣ вырѣзаны имъ и наблюдали сообща падучихъ звѣздъ прекрасный рой и холодой журчалъ вдали и смолкли шопоты земли

Поля. Давно ли мы, теперь они а тамъ и вы такъ все смѣняется на свѣтѣ

Нина. Но видишь онъ стоитъ подъ деревомъ и я скажу ему согласна Согласенъ? (Хватаетъ за руку).

Поля. М м м

III.

Лодка рѣка Онъ вольноопредѣляющійся

Поля. мы только нѣжные друзья и робкіе искатели сосѣдствъ себѣ и жемчуга ловцы мы въ морѣ взора мы нѣжные и лодка плыветъ бросивъ тѣнь на теченье мы наклоняясь надъ краемъ, лица увидимъ свои въ веселыхъ рѣчныхъ облакахъ, пойманыхъ неводомъ водъ, упавшихъ съ далекихъ небесъ и шепчетъ намъ полдень о дѣти мы мы свѣжесть полночи

IV.

Съ связкой книгъ проходитъ Оля и на встрѣчу идетъ Поля онъ подымается на лѣстницу и произноситъ молитву

Оля. Греческій?

Поля. Грекъ

Оля. А у насъ русскій

Встрѣчаются черезъ нѣсколько часовъ

Оля. Сколько?

Поля. Колъ но я какъ Муцій и Сцевола переплылъ море двоекъ и какъ Манлій обрекъ себя въ жертву коламъ направивъ ихъ въ свою грудь

Оля. Прощай.

V.

Поля и Оля съ воздушными шарами въ рукѣ молчаливые и важные проѣзжаютъ въ дѣтскихъ колясках

СУТЕМКИ, СУВЕЧЕРЪ.

Зазовь.
Зазовь манности тайнъ.
Зазовь обманной печали.
Зазовь уманной устали.
Зазовь синихъ тростниковъ.
Зазовь зыбкихъ облаковъ.
Зазовь водностныхъ тайнъ.
Зазовь.

. . . .

Помиралъ морень, моримый морицей
Вѣренъ въ вѣримое вѣрицы.
Умиралъ въ морильяхъ морень
Вѣренъ въ вѣроча вѣрня.
Обмиралъ морѣя морень.
Вѣренъ вѣритвамъ Вѣраны
Пріобмеръ моряжески морень
Вѣренъ вѣрови вѣрязя.

(из „Садка Судей“ II).

. . . . .

...Онъ говорилъ: «Я бѣдный воинъ, я одинокъ,
Но все и черную сомнѣній ношу
И бѣлой молніи вѣнокъ
Я за одинъ лишь призракъ брошу,
Взлетѣть въ страну изъ серебра,
Стать звонкимъ вѣстникомъ добра».
У колодца расколоться
Такъ хотѣла бы вода,
Чтобъ въ болотцѣ съ позолотцей
Отразились повода.
Мчась какъ узкая змѣя
Такъ хотѣла бы струя,
Такъ хотѣла бы водица,
Убѣгать и расходиться,
Чтобъ цѣной работы добыты,
Зеленѣе стали чеботы,
Черноглазыя, ея.
Шопотъ, ропотъ, нѣги стонъ,
Краска темная стыда,
Окна, избы, съ трехъ сторонъ,
Воютъ сытыя стада...

(Из „Пощечины общественному вкусу“).

АСПАРУХЪ.

Войско въ степи.

I.

Огровъ: О, Аспарухъ!

Развѣ ты не слышишь, что громко ржутъ кони? Это станъ князей.

Они не хотятъ идти. Имъ ясныя очи подругъ дороже и ближе ратнаго дѣла. Среди лебяжьихъ столицъ они вспоминаютъ о судьбахъ семей, покинутыхъ на заботы. Если ты идешь на войну, то зачѣмъ тобою взято мало стрѣлъ? Такъ они въ недовольствѣ говорятъ о походѣ. И требуютъ вернуться.

Аспарухъ. Слушай: вотъ я поскачу прочь отъ мѣсяца; громадная тѣнь бѣжитъ отъ меня по холмамъ. И если мой конь не догонитъ тѣни, когда я во всю быстроту поскачу по холмамъ, то грянется мертвый отъ этой руки мой конь и навѣки будетъ лежать недвижимъ (скачетъ).

Огровъ Совершилось: грохнулся на земь и подымаетъ голову, старый конь пронзенный мечомъ господина.

Аспарухъ Иди и передай, что видѣлъ.

II.

Лютъ. Ужъ стѣны Ольвіи видны.

Аспарухъ. Здѣсь будутъ шатры. А это—головы князей?

Лютъ. Повиноваться насъ учили предки и мы верны ихъ приказаньямъ, хотя ты строгъ и много юношей цвѣтущихъ среди погибшихъ умерло князей.

III.

Станъ вечеромъ.

1-ый воинъ. Вотъ эллинъ. Лежитъ и напѣваетъ беззаботно.

2-ой воинъ. Я видѣлъ ихъ, когда былъ плѣннымъ.

Бывало парубки и дѣвки
Масло польютъ на бѣлый камень
Чтобъ богъ отвкушалъ
И послѣ скачутъ, оголясь, вокругъ костровъ.
Нагія дѣвки ихъ въ вѣнкахъ
Волнуютъ кровь и раскаляютъ душу.
А бѣлобородые жрецы благословляютъ происшедчее,
Ихъ обычай обольстительнѣй чѣмъ нашъ.

1-ый воинъ. Гдѣ грекъ?
2-ой воинъ. Лежитъ и смотритъ.
Отрокъ (протягивая руку къ плѣнному) Отпустите!
(Эллинъ проходитъ въ шатеръ; оттуда доносится смѣхъ).
Стража: Что-то веселое принесъ съ собою юркій эллинъ.
Голосъ изъ шатра: Проводите до воротъ.
(Кто-то закутанный въ плащѣ выходитъ)
Стража. Онъ выросъ и выше и шире въ плечахъ. И шагъ длиннѣе.

Но слѣдъ исполнить приказанье. А неладно. Ночь синѣе.
(Старшій воинъ провожаетъ).

Воинъ: Молчитъ, а мнѣ за нимъ идти.
Эй ты, скажи хоть слово!
Или ты хочешь заработать что нибудь молчаніемъ?
Кромѣ палочныхъ ударовъ—ничего нѣтъ.
Но вотъ стоящіе на стѣнахъ города
Вышли встрѣчать; а вотъ и плата!..
(Хочетъ ударить) ай, ай—кто ты?
Аспарухъ. Смерть, смердъ!
(короткимъ мечомъ убиваетъ его и
перескакиваетъ черезъ ровъ).

IV.

Городъ. Праздникъ. Жрецы въ вѣнкахъ немертвыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ стоятъ безглагольно въ углу площади. Шествіе будто изъ бѣлыхъ боговъ и богинь возлагаетъ вѣнки на жертвенный камень. Заговоръ: сгинь, сгинь, улитайте ходоки въ неба пламень.

Присутствующіе поютъ, закутанные въ бѣлое.

„Все коварно, все облыжно!
Пламень все унесть готовъ,
Только люди неподвижно
Вознесли вѣнки цвѣтовъ.
— Громче лейтесь звуки пѣсенъ,
Каждый юноша внемли:
Будетъ гробъ для каждой тѣсенъ,
Каждый только влокъ земли.
Жрецъ. Горе, горе, гнѣвъ и ужасъ,
На земь лягши, поклонитесь.
Въ солнцѣ свѣтломъ обнаружась,
Лучезарный виденъ витязь.
Все сошлось въ единый уголъ
Горе, грезы, свѣтъ и громъ.
И лицомъ превраснымъ смуголъ
Богъ блистаетъ серебромъ.
Горе, горе, гнѣвъ и гнѣвъ!
Возносите плачи душъ.
На васъ смотритъ, загремѣвъ,
Лучезарный блѣдный мужъ!

Присутствующіе падаютъ на колѣни, молясь и колѣнопреклоненные.

Аспарухъ (въ темномъ плащѣ, нѣкоторое время стоитъ нерѣшаясь, прямо и неподвижно, послѣ опускается тоже).

Крики. Это переодѣтые грабители!

Вооруженная стража грубо бросается къ нему.

Аспарухъ (подымаясь и замахиваясь мечомъ). Прочь, черны!

Воинъ (подымаясь съ земли) Нѣтъ, онъ не простой!

Толпа. Вотъ кто водитъ и морочитъ свой народъ.

Златомъ соритъ каждой ночью въ всѣхъ притонахъ у воротъ.

Холодая, голодая стоитъ войсво въ дикомъ полѣ.

Знать, гречанка молодая отняла у князя волю.

Золотое въ золоченномъ вознесли мы чаши съ влагой.

Отдавайся-же съ отвагой плясвамъ нѣгѣ наученнымъ.

Д. Бурлюк

Пляши съ нами о Аспарухъ! Иди за нами, о Аспарухъ.
Побѣжденный не студенымъ
Губъ прижатьемъ дѣвы младшей,
Отдавайся-же смущеннымъ
Пляскамъ тайны съ дѣвой падшей.
(Увлекаютъ Аспаруха за собой).

V.

Начальникъ города: Гдѣ Аспарухъ? въ какомъ притонѣ отдыхаетъ онъ отъ своихъ подданныхъ? Его войска взбѣсились и хотятъ идти на приступъ. У воротъ кто то убитъ. Гдѣ Аспарухъ? въ какой трущобѣ скрывается онъ отъ своихъ подданныхъ. Ужъ три стрѣлы лежатъ у храма Діаны.

VI.

Лютъ. На сѣдла, воины! Впередъ. Пусть все рѣшитъ военный жребій (начинается сраженіе).
1-ый воинъ На дняхъ хвалился эллинъ
Превратника дать мѣсто Аспаруху.
2-ой воинъ. А кто-то принесъ перстень и мечъ и говорилъ что это вещи Аспаруха. Эллины дерутся отчаянно. Но жребій вынутъ. Но кто это въ развѣвающемся плащѣ бѣжитъ черезъ пустырь? Онъ кричитъ гдѣ мои войска? гдѣ мой конь?

Аспарухъ. Столпитесь же вокругъ меня держащіе луки на готовѣ. Приговоръ мнѣ вѣдомъ.
Слетайтесь-же ко мнѣ стрѣлы
Какъ стрижи на вечерній утесъ.
Я буду стоять какъ вечерній утесъ
Закутанный и одинъ, мертваго-же меня
Не бросайте, но отвезите къ великимъ порогамъ.
Я закрываюсь плащомъ, и жду.
Жрецъ. (протягивая руку).
Мужайся, Аспарухъ!

Воинъ Зашатался и упалъ и разъѣзжаются по своимъ мѣстамъ.

(1908 г.).

К. Малевич

РЯВЪ О ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Рявъ! Желѣзнодорожный законъ Италіи заключается въ совпаденіи съ морскимъ берегомъ полотна и вотъ стройная нога этого полуострова таперича обута въ цѣльный желѣзнот дорожный сапогъ. Вторая черта: Внутри полуострова желѣзные пути очень скудны. Ж. Полотно никогда не уходитъ отъ бьющихся волнъ моря и очертанія Италіи обведены чугункой. Вдольморскіе пути привели рекомую Италію къ торговому расцвѣту.

Въ Россіи приморскіе пути проводятся только въ не совсѣмъ русскихъ област. (Кавказ. Финл.) въ виду несомнѣнныхъ выгодъ этого способа постройки.

Боящійся лица Волги Волжскій путь не доведенъ къ Каспію. Устья Дуная и Дона, будучи сшиты другъ съ другомъ вдоль морского берега, дадутъ расцвѣтъ югу.

На сѣверѣ Россіи должны быть торопливо связаны Печера и Обь и Лена и Енисей. Тогда только будетъ разумна паутина желѣзно-дорожныхъ пауковъ Москвы и др. гор.

Рявъ!

С.-Американскій желѣзнодорожный «брюкъ» заключается въ томъ что чугунный путь переплетается съ руслами Великихъ рѣкъ этой страны и вьется рядомъ съ ними при чемъ близость обоихъ путей такъ велика что величавый чугунный дѣдъ всегда можетъ подать руку водяному и поѣздъ и пароходъ на большихъ протяженіяхъ не теряютъ другъ друга изъ вида.

На востокѣ отъ Вислы русла Волги и Днѣпра (ихъ среднія теченія) могли бы какъ верхушки двухъ деревьевъ быть связаны однимъ желѣзнодорожнымъ кругомъ. Теперь же чтобъ попасть въ Саратовъ или Казань Нижегородецъ долженъ проѣхать въ Москву. Прямой путь отъ устья Волги до устья Оби полезенъ для жизни по ту и другую сторону Урала (Камня). Впрочемъ на смѣну пресмыкающимся путямъ приходятъ летающіе и рѣющіе пути. Есть опасность, что желѣзными дорогами, какъ непонятными буквами непонятнаго языка не было бы начертано на знакомыхъ и понятныхъ страницахъ слово „глупость" (дурь). Слова другого значенія (расчетъ, разумъ).

Д. Бурлюк

Изданія Е У Ы

А. Крученых

«Во-зро-пщемъ» рис. О. Розановой и К. Малевича ц. 30 коп.

А. Крученых

«Слово как таковое» рис. К. Малевича ц. 30 коп.

Зина В. и А. Крученыхъ

рис. К. Малевича «Поросята» ц. 30 к.

Распродано.

А. Крученыхъ и Хлѣбников

«Бухъ лѣсинный» рис. О. Розановой, Н. Кульбина и др. ц. 30 к.

Распродано.

А. Крученых

«Взорваль» с рис. О. Розановой, Н. Гончаровой, К. Малевича, Н. Кульбина ц. 60 коп.

Распродано.

(печатается 2-е изд.)

Новыя изданія Е У Ы

В. Хлѣбников «РЯВ»

Перчатки (1908 — 1914 г.г.) рис. В. Бурлюка, К. Малевича и др. ц. 60 коп.

А. Крученых

«Побѣда над солнцем» опера, музыка М. Матюшина, ц. 60 коп.

А. Крученых

«Чортъ и рѣчетворцы» обложка О. Розановой ц. 30 коп.

Типо-литографія Т-ва «Свѣтъ». Невскій, 136.

Ц. 60 к.